

23. Kohl, P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei. Sowjetische Überlebende berichten / P. Kohl. – Frankfurt a. M.: Fischer Verlag GmbH, 2016. – 349 S.
24. Lehnhard, H. „Lebensraum im Osten“. Deutsche in Belorussland 1941–44 / H. Lehnhard. – Dortmund: Service-Druck GmbH, 1991. – 312 S.
25. Lehnstaedt, S. Okkupation im Osten. Besatzeralltag in Warschau und Minsk 1939–1944 / S. Lehnstaedt. – München: Oldenbourg, 2010. – 381 S.
26. Möller, H. Vorwort / H. Möller // Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte / Hrsg. von Christian Hartmann, Johannes Hürter und Ulrike Jureit. – München: Verlag C. H. Beck oHG, 2005. – S. 9–15.
27. Musial, B. Sowjetische Partisanen 1941–1944 in Weißrussland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranowici 1941–1944. Eine Dokumentation / B. Musial. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 2004. – 271 S.
28. Musial, B. Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit / B. Musial. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009. – 592 S.
29. Müller, R.-D. Hitlers Krieg im Osten. 1941–1945 / R.-D. Müller, Gerd R. Ueberschaer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2000. – 451 S.
30. Pohl, D. Die Herrschaft der deutschen Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, GmbH, 2008. – 399 S.
31. Quinkert, B. Propaganda und Terror in Weißrussland 1941–1944. Die deutsche „geistige“ Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen / B. Quinkert. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009. – 420 S.
32. Reichkommissariat Ostland. Tatort und Erinnerungsobjekt / Hrsg. durch Sebastian Khehmann gemeinsam mit Robert Bohn und Uwe Danker. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. – 371 S.
33. Rentrop, P. Tatorte der „Endlösung“. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin: Motropol, 2011. – 256 S.
34. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944 / Hrsg. vom Hamburger Institut für Sozialforschung. – Hamburg: Hamburger Edition, 2002. – 749 S.
35. Vernichtungsort Malyj Trostenez. Geschichte und Erinnerung. – Berlin: IBB Dortmund, IBB Minsk, 2016. – 246 S.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ОЦЕНКАХ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А.П. Косов (Витебск, Беларусь)

Подавляющее большинство украинских исследователей, рассматривающих белорусско-российские отношения в постсоветский период, достаточно скептически оценивают интеграционный процесс между Минском и Москвой. Многие из них отмечают, что Россия любым путем пытается вернуть бывшие союзные республики под свой контроль. Кремль стремится признания мировым сообществом своей особой роли на постсоветском пространстве. Поэтому цель данной публикации заключается в том, чтобы проанализировать имеющиеся в украинской историографии оценки развития белорусско-российских отношений в конце XX – начале XXI в.

На сегодняшний день нельзя сказать, что в украинской историографии много исследований, в которых освещается интеграционный процесс между Минском и Москвой. Тем не менее, можно назвать ряд работ, рассматривающих те или иные аспекты белорусско-российских отношений в постсоветский период. В частности, в Украине имеется несколько диссертационных исследований [1; 2; 5], а также монографий и научных статей [6; 8], посвященных данной проблеме.

Украинские авторы исследуют интеграционные аспекты межгосударственного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации. Ими проанализированы основные внутренние и внешние факторы, а также предпосылки интеграционного процесса двух славянских государств. Они разделяют точку зрения И. Н. Мельничука из Черновцов о том, что российско-белорусские отношения формировались под влиянием и с учетом многих факторов: с одной стороны, это особенности дезинтеграционных и интеграционных процессов, которые проходили на пространстве СНГ в 1990-х гг., с другой стороны – внутривосточная ситуация в России и Беларуси [7, с. 364]. Как заключал львовский исследователь Т. Е. Полевой, экономическая и хозяйственная зависимость Минска от Москвы, а также ментальная и культурная близость белорусского и российского народов стали идейным фундаментом процесса межгосударственного сближения в начале 1990-х гг., и основой построения будущего Союзного государства [13, с. 136]. Он констатировал, что именно белорусская сторона выступала основным инициатором двустороннего сближения. При этом Москва долгое время не рассматривала Республику Беларусь как важного международного партнера [13, с. 134]. Т. Е. Полевой отмечал, что курс на белорусско-российское сближение окончательно оформился в 1993–1996 гг. С одной стороны, эксперт объяснял это экономическими трудностями и поиском политической и экономической опоры руководством Беларуси, а с другой стороны, внешнеполитическими вызовами для России, связанными с распространением НАТО на восток и реформированием внешних приоритетов на постсоветское пространство. Вместе с тем, по словам Т. Е. Полевого, несмотря на определенные успехи в процессе белорусско-российского сближения, с самого начала обе стороны видели в интеграции скорее средство для получения личной политической выгоды, а не создание реально действующей международной структуры [12, с. 153]. Эксперт уверен, что белорусский и российский лидеры активно эксплуатировали тему интеграции исходя из собственных политических амбиций [12, с. 150]. Исходя из позиций белорусского руководства, Т. Е. Полевой не считал нужным преувеличивать значение политических или идеологических мотивов в процессе белорусско-российского сближе-

ния. На его взгляд, весомую роль в нем сыграл прагматичный расчет, тогда как, в некотором роде пропагандистские, идеологические и пророссийские настроения и акценты, такие как идеи «единства славянских народов», стали характерными для белорусской внешней политики после прихода к власти А. Г. Лукашенко [13, с. 135]. По мнению Г. Н. Перепелицы, А. Г. Лукашенко принял кремлевские правила игры, чтобы уберечь свою страну от социальных потрясений и экономического краха. Результатом этого стало подписание 2 апреля 1997 г. Договора о Союзе Беларуси и России [10, с. 95].

В ряде работ оцениваются геополитические аспекты белорусско-российского сближения. Представители украинского политико-академического сообщества, вне зависимости от прозападной или пророссийской ориентации, обращают внимание на геополитическую значимость территории нашей страны. Ярким примером является определение Беларуси в политологическом словаре русско-украинского геополитика В. А. Дергачева: «Геополитическое положение Беларуси имеет исключительное значение для России. Беларусь является воротами России в Западную Европу и ЕС и одновременно служит барьером для создания Балто-Черноморского геополитического щита, служит «костью в горле» для европейской геополитики США» [3, с. 38]. Это находит подтверждение и в других публикациях. Так, заведующий Отделом военной политики Украинского национального института стратегических исследований Г. Н. Перепелица отмечал, что приоритетность белорусского направления в политике Российской Федерации определяется не только геополитическим положением Беларуси, но и геостратегическим значением ее территории. По мнению эксперта, она представляет собой своеобразный военно-стратегический плацдарм, позволяющий в зависимости от преследуемых военно-политических целей рассматривать Беларусь как «санитарную зону», «безъядерную зону», «зону противодействия», «зону расширенного доминирования» и т. п. [10, с. 89]. Сам Г. Н. Перепелица был уверен, что для России стратегической целью в интеграционном процессе является присоединение Беларуси на правах субъекта Российской Федерации. Поэтому создание надгосударственных структур в рамках Союза России и Беларуси позволит Москве вовлечь республику в лоно своей государственности. Но белорусское руководство, по словам эксперта, не было готово отказаться от суверенитета настолько, чтобы потерять реальную власть в стране. Для Минска Союз России и Беларуси был нужен, чтобы приобрести формальный механизм воздействия на государственные институты России в своих интересах. Таким образом, согласно Г. Н. Перепелице, данное интеграционное объединение представляло собой воплощение одновременно как реинтеграционного, так и интеграционного процессов [10, с. 97].

С точки зрения Ю. А. Демянчук из Харькова, геополитические и военные аспекты интеграции вышли на передний план как факторы сближения сторон в течение 1997–2000 гг. По ее словам, для России интеграция с Беларусью стала одним из способов сохранить возможность геополитического влияния на западном направлении. РФ получала непосредственный выход к границам Центрально-Восточного региона, нейтрализовали потенциальную угрозу создания так называемой Балтийско-Черноморской геополитической дуги изоляции России, увеличение военной мощи за счет интеграции с белорусской армией, вывод Калининградского анклава из военно-стратегической изоляции [2, с. 13].

Большое внимание исследователей привлекает военно-политическая составляющая белорусско-российского сотрудничества. Однако зачастую они приходят к весьма одиозным умозаключениям. К примеру, утверждение Г. Н. Перепелицы о том, что создание «белорусско-российского военного блока» «не только способствует реанимации военного противостояния в Восточной Европе, но и значительно усиливает военно-политическую гегемонию России над странами СНГ» [10, с. 106], было излишне драматизировано и не соответствовало реальному положению дел.

В украинской историографии представлены также оценки создания и функционирования Союзного государства Беларуси и России. Исследователями рассмотрены основные проблемные вопросы построения и проанализированы перспективы формирования политического союза двух стран в зависимости от их национальных интересов. Так, по мнению А. Мишина, «проект Союзное государство» был нужен Минску в целях получения дешевых российских кредитов, льготных цен на энергоносители и т. д. Для Москвы, подчеркивал эксперт, сближение с Беларусью, в первую очередь, было нужно в качестве создания противовеса НАТО, приблизившегося к российским границам [9, с. 27].

Со своей стороны, И. Н. Мельничук отмечал, что уже принявший решение об уходе Б. Н. Ельцин хотел оставить своему преемнику важный политический капитал – договор об объединении (в то время еще потенциальный) с Беларусью. При этом его окружение сделало свое дело, исключив из договора опасные для Кремля статьи о едином президенте, а также о передаче части полномочий в руки председателя Высшего Государственного Совета России и Беларуси. Основная цель этого договора, по мнению эксперта, заключалась в оказании помощи В. В. Путину в его президентской кампании, учитывая сильные интеграционные ожидания российского электората [7, с. 366–367].

В то же время, по словам И. Н. Мельничука, А. Г. Лукашенко рассматривал договор как новый этап в своей интеграционной политике, а по сути дела, в большой и сложной игре с российским руководством. Хотя ему и не удалось провести радикальный вариант объединения, шансы на быстрое подписание нового договора и надежда стать благодаря ему руководителем Союзного государства на рубеже веков еще сохранялись. В качестве подтверждения этой позиции белорусского президента исследователь привел следую-

ший факт: «летом 1999 г. Лукашенко открыто заявил журналистам, что, если будет Союз и его президент будет избираться прямым и открытым голосованием, то он готов поспорить с Б. Ельциным за эту должность» [7, с. 366–367]. Однако после прихода в Кремль В. В. Путина, атмосфера российско-белорусских отношений изменилась. Согласно И. Н. Мельничуку, В. В. Путин не стал раскрывать объятия белорусам, четко сохраняя дистанцию. Новое российское руководство постепенно приучало Минск к мнению, что отказываться от союза с Беларусью оно не собирается, однако строить его желает по своему усмотрению, в соответствии с национальными интересами России, а не так, как этого хотелось бы партнеру [7, с. 369–370].

По мнению Ю. А. Демянчук, Договор о создании Союзного государства так и не стал инструментом преодоления растущих разногласий сторон в подходах к политической и экономической составляющих интеграционного процесса. На ее взгляд, главной проблемой было отсутствие договоренностей между правящими кругами Беларуси и России о том, кто и в каких объемах будет осуществлять государственно-политическое управление в общем государстве [2, с. 12]. Среди причин, помешавших реальному воплощению в жизнь проекта Союзного государства, она назвала следующие: со стороны России – прагматичный курс Кремля на возрождение великой державы; подход к сотрудничеству с позиции «старшей сестры»; отсутствие политической воли, направленной на постоянную системную работу в плане создания Союзного государства; преобладание политической интеграции над экономической составляющей; игнорирование со стороны высшей государственной власти функции контроля за выполнением решений, принятых в рамках союза. Со стороны Беларуси, по словам Ю. А. Демянчук, это – политика лавирования между сохранением суверенитета и самостоятельностью Беларуси и укреплением союза с Россией; преобладание точки зрения, что первой фазой объединения должно стать создание правовой базы; противоположная России макроэкономическая государственная стратегия; неприятие Минском федерального устройства; навязывание РФ принципа «одна страна – один голос»; расхождение политических интересов белорусской государственной элиты с интересами русской. Указанные факторы, прежде всего экономического и правового характера, а точнее их непроработанность и нерешенность, в итоге перевесили геополитические факторы, которые могли бы стимулировать процессы дальнейшей интеграции двух стран. По ее мнению, несмотря на то, что основные цели Договора о Союзном государстве не были достигнуты, тесное сотрудничество Беларуси и России остается актуальным и дает положительные результаты для обеих стран [2, с. 13–14].

В ряде украинских публикаций названы проблемные вопросы, мешающие Беларуси и России перейти на качественно новый уровень интеграции. В частности, исследователи обратили внимание на несогласованность подходов у сторон относительно интеграционной модели Союзного государства (конфедерация или федерация), отсутствие у них общей внешней политики и валютного режима [7, с. 370].

По мнению И. Н. Мельничука, во второй половине 1990-х гг. центристские силы значительно уступали тем, которые были в начале последнего десятилетия прошлого века. Более того, если в 1994–1995 гг. в российско-белорусских отношениях еще царила эпоха романтизма, основу которой составляло желание осуществить скорую интеграцию по всем аспектам внутренней и внешней политики, включая возможность объединения государств, то в конце 1990-х гг. наблюдается обдуманый подход к реализации этой идеи: центристские силы стали восприниматься не в общем контексте, а дифференцироваться в зависимости от характера и значимости той или иной ее составляющей. В частности, в последнее время на первый план вышла экономическая составляющая этих центристских сил как наиболее существенная и связанная с повседневной жизнью людей. Подтверждением этого является и тот факт, что все чаще двусторонние российско-белорусские встречи на высшем уровне посвящаются, в первую очередь, экономическим проблемам. Иными словами, приуменьшая значение того или иного аспекта интеграции, можно говорить об их первоочередности и второстепенности, в большей или меньшей степени на данном этапе развития [7, с. 372].

К. Бондаренко из Института украинской политики указывал на имеющуюся у А. Г. Лукашенко тревогу относительно неравных условий, в которых находятся участники интеграционного процесса, исходя из геополитических потенциалов сторон. Например, в Союзном государстве экономический потенциал России составляет 97%, а Беларуси – только 3%, поэтому о равноправных отношениях между ними не может идти и речи. Москва лишила Минск всех привилегий, задекларированных в документах Союзного государства, и перевела двусторонние отношения на рыночные рельсы. В целях давления Россия использует такие инструменты, как Газпром и Роспотребнадзор. По словам эксперта, Беларусь превратилась в сателлита, из субъекта международного права – в объект. Исходя из этого, К. Бондаренко пришел к выводу, что сближение с Россией неизбежно приведет Беларусь к потере политического и экономического суверенитета, потери государственности [4].

Многие украинские авторы критически относятся к процессу белорусско-российской интеграции. Например, политологи А. Полтораков и А. Шарф рекомендовали Беларуси альтернативный вариант интеграции с РФ, поскольку чрезмерное сближение с Россией чревато поглощением республики восточным соседом. Согласно им, Минску, как и Киеву, необходимо двигаться исключительно в сторону Европы. И признаки такого движения украинские эксперты увидели во внешней политике Беларуси в конце 2000-х гг., когда, по их мнению, наблюдался «существенный разворот в сторону Европы, вызванный, прежде всего, внутренней необходимостью экономической устойчивости» [11, с. 33].

Таким образом, отдельные украинские исследователи уделяют некоторое внимание процессу белорусско-российской интеграции в контексте изучения внешней политики России на постсоветском пространстве, внешней политики Беларуси, украинско-российских отношений или в работах, непосредственно посвященных проблемам взаимоотношений Минска и Москвы. Ими выделены основные этапы интеграции двух государств, проанализированы основные сферы сотрудничества Беларуси и России, выявлены основные тенденции и факторы, повлиявшие на развитие двусторонних отношений в 1990-е – 2000-е гг.

Что касается перспектив сближения, то, как отмечают украинские авторы, эффективное движение белорусско-российской интеграции вперед напрямую зависит от решения сторонами имеющихся между ними проблем и согласования национальных интересов в реалиях современного мира.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А. П. Косов).

1. Вівчар, І. В. Інтеграційний вимір міждержавного співробітництва Республіки Білорусь та Російської Федерації : автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.04 / І. В. Вівчар ; НАН України, Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин. – К., 2009. – 20 с.
2. Дем'янчук, Ю. А. Білорусько-російські відносини (1991–2000 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / Ю. А. Дем'янчук ; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. – Харків, 2009. – 18 с.
3. Дергачев, В. А. Геополитический словарь-справочник / В. А. Дергачев. – К. : Изд-во КНТ, 2009. – 592 с.
4. Кость Бондаренко: Політичний заповіт Лукашенка [Електронний ресурс] // LB.ua. – 21.10.2011. – Режим доступу: https://lb.ua/news/2011/10/20/120267_politichnyi_zapovit_lukashenka.html. – Дата доступу: 17.02.2017.
5. Крет, Р. М. Зовнішня політика Білорусі в умовах інтеграційних трансформацій Східної Європи : автореф. дис. ... канд. політ. наук : 23.00.04 / Р. М. Крет ; НАН України, Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин. – К., 2010. – 20 с.
6. Мельничук, І. М. Інтеграційні проекти Російської Федерації на пострадянському просторі : монографія / І. М. Мельничук ; Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. – Чернівці : Рута, 2015. – 399 с.
7. Мельничук І. Особливості російсько-білоруських взаємин наприкінці ХХ – на початку ХХІ століття / І. Мельничук // Політологічні та соціологічні студії : збірник наукових статей / наук. ред. А. М. Круглашов. – Чернівці-Вільнюс : Букрек, 2007. – Т. 5. – С. 364–374.
8. Мирабдуллаев оглы, А. М. Расстановка сил в постсоветском пространстве: Российская Федерация и страны СНГ : монография / А. М. Мирабдуллаев оглы ; Укр. акад. наук. – К. : Изд-во УАН, 2012. – 349 с.
9. Мишин, А. Кремлівський транзит, або Нові орієнтири Росії / А. Мишин // Зовнішні справи. – 2008. – № 1. – С. 26–28.
10. Перепелица, Г. Н. Белорусско-российская военно-политическая интеграция и ее влияние на безопасность Украины / Г. Н. Перепелица // Белоруссия на перепутье: в поисках международной идентичности / под ред. Ш. Гарнетта, Р. Легволда. – М. : Московский центр Карнеги, 1998. – С. 87–113.
11. Полтораков, О. На перехрестях: Україна і Білорусь у тіні Великої Європи / О. Полтораков, О. Шарф // Зовнішні справи. – 2009. – № 2. – С. 32–35.
12. Польовий, Т. Є. Формування «особливих відносин» між Республікою Білорусь і Російською Федерацією в середині 90-х років ХХ століття / Т. Є. Польовий // Прикарпатський вісник НТШ. Думка. – 2014. – № 3. – С. 143–158.
13. Польовий, Т. Є. Чинники та передумови двостороннього зближення Республіки Білорусь та Російської Федерації / Т. Є. Польовий // Прикарпатський вісник НТШ. Думка. – 2015. – № 3. – С. 132–137.

Н.Н. СЕМЕНОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

Н.В. Власова (Рязань, Россия)

Николай Николаевич Семенов (1796–1875) принадлежал к русскому дворянскому роду Семеновых, внесённому в шестую часть дворянской родословной книги Рязанской губернии. Н.Н. Семенов родился в семье Николая Петровича Семенова и его жены Марии Петровны, урожденной Буниной. По дворянскому списку, составленному в 1809 г., за Н.П. Семеновым, отставным секунд-майором, в Рязанской губернии состояло благоприобретенное («Раненбургской округи в сельце Алексеевском и деревне Подосинках мужеска 69» душ) и наследственное имение («Пронской округи в сельце Салыкове и деревне Кареевой мужеска 40 душ») [3, л. 40]. Н.Н. Семенов обучался в кадетском корпусе, но полного курса не окончил. В 1815 г. он поступил на военную службу в лейб-гвардии Измайловский полк. 14 декабря 1825 г., согласно записи в формулярном списке, «находился во фронте против мятежников». В 1826 г. Семенов был уволен «за болезнию» от военной службы. С мая 1827 г. по февраль 1845 г. Н.Н. Семенов занимал должность директора училищ Рязанской губернии. С февраля 1845 по январь 1846 г. он находился в отставке, в январе 1846 г. был причислен к МВД. В 1848–1851 гг. Н.Н. Семенов служил минским вице-губернатором, в 1851–1857 гг. – вятским гражданским губернатором. В ноябре 1857 г. он был уволен в отставку.

Н.Н. Семенов был женат на Любови Андреевне, урожденной Минх. В семье Семеновых было трое детей: Николай (1833–1886), Мария (1831–1858) и Любовь (1835–1857). Сын Николай, окончив Императорское училище правоведения, некоторое время служил во 2-м департаменте Правительствующего Сената. Затем, оставив службу по состоянию здоровья, он переселился во Францию, в литературу которой вошел «как прозаик, поэт и переводчик» [20].